

Сергей Борисов

Кого-то надо убить

18+

Сергей Борисов
Кого-то надо убить

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Борисов С. Ю.

Кого-то надо убить / С. Ю. Борисов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Рано утром в городе обнаруживают «парашютиста», так называют повесившихся те, кому положено выяснить, суицид это или преступление и что этому предшествовало. Но оказалось, все совсем не просто, да и «парашютист» какой-то странный... О следствии по этому делу рассказывается в повести «Репетиция смерти». Рассказы, вошедшие в сборник - это как «чистые» детективы – с расследованием, уликами, дедукцией и непременным торжеством истины, - так и криминальные истории, в которых нет ни следователей, ни прокуроров, но есть преступление, и нередко сам преступник выступает в роли рассказчика. И порой он нам симпатичнее, чем его жертвы.

© Борисов С. Ю., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Кого-то надо убить	5
Репетиция смерти	9
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Кого-то надо убить

Рассказ

Трехметровый забор был покрашен зеленой краской и будто растворялся в густом подлеске. Колючую проволоку тоже покрасили зеленым. Белели только фарфоровые изоляторы, предупреждая излишне любопытных, что проволока под напряжением. Впрочем, любопытствующих в этих местах не водилось, случайных грибников отлавливали еще на дальних подступах к резиденции и заворачивали без лишних слов. Случая не было, чтобы к забору подобрался кто-нибудь, загадочным образом не попав в сектор обзора видеокамер и не потревожив датчики движения. Так что беспокоиться, вроде бы, не следовало, тем более что по внутреннему периметру забора неспешно дефилировали молодые люди с непроницаемыми лицами. Автоматы «кедр» не слишком гармонировали с их строгими костюмами, что молодых людей несколько не волновало. Инструкции не выбирают, им следуют.

В этот день в лесной резиденции былолюдно, но не шумно. Гости собрались ближе к вечеру. Каждый обменялся рукопожатием с хозяином, а потом и друг с другом. Далее последовал легкий ужин, после которого все перешли в библиотеку, поближе к пылающему камину. Обогревать зал в высокими сводами нужды не было – отопление работало безупречно, но Председатель знал, что в креслах у камина, озаренные сполохами, со стаканом портвейна в руке, люди становятся откровеннее и решительнее.

Предупреждать о полной конфиденциальности беседы хозяин не стал – и так ясно: не в бирюльки играем! Не стал он говорить и о мерах, сводящих к нулю усилия любой подслушивающей аппаратуры, в том числе и той, которая могла оказаться о гостей. Все это тоже подразумевалось.

– Я пригласил вас... – начал Председатель и, не спотыкаясь о встречные вопросы, изложил свою точку зрения на проблему, которая требовала немедленного и радикального решения. Закончил он свою речь предложением обменяться мнениями, ибо согласие в стратегии не обязательно сопровождается единством в тактике.

Молчание было долгим. Тишину нарушал только треск поленьев, да еще Дипломат нервно хрустел пальцами.

– Вы можете оставить в покое руки? – не выдержал Политик. – Переусердствуете – нечем будет договоры подписывать.

– Я хоть писать умею, – огрызнулся Дипломат.

– Началось... – протянул Философ.

– Что началось? – вскинулся Политик.

– Песня про белого бычка. Даже интересно, угомонитесь вы когда-нибудь или это из области заведомо несбыточных надежд.

– Прекратите, – укоризненно произнес Председатель, властно взмахнув рукой. – Иначе мне придется обратиться к представителю закона.

Он пытался шуткой разрядить неожиданно накалившуюся атмосферу. Но Блюститель Порядка шуток не понимал, а потому подобрался и, казалось, изготавился к прыжку.

– Балаган! – низким раскатистым басом проговорил Военный.

– Прошу прощения, – Философ взглянул на Председателя и чуть наклонил голову, придавая своим словам дополнительный вес. – Действительно, господа, не будем превращать происходящее в фарс.

Председатель тоже наклонил голову, принимая извинение, и спросил:

– Полагаю, предложений, отличных от моего, нет?

Военный кивнул:

– Согласен. Кого-то надо убить.

Председатель хлопнул ладонью по лакированному подлокотнику старинного кресла, точно припечатал:

– Решено!

– Весь вопрос – кого? – подал голос Политик. – Кого убить?

– Существенное замечание, – скривив губы в усмешке, заметил Дипломат.

– Позвольте мне, – дернул кадыком Философ. – Полагаю, это должна быть личность, импонирующая всем без исключения слоям общества, смерть которой станет личной трагедией для всех и каждого, независимо от социального положения, материального достатка, национальности, возраста и пола. Это должен быть любимец народа!

– Между прочим, мы тоже народ, – хмуро сказал Военный. – Не представляю, из-за кого я мог бы расстроиться, если это не мои родные или друзья.

– Из-за нас точно не огорчитесь, – язвительно заметил Дипломат. – Не родня и не друзья. Так, попутчики в поезде, которые болтают себе, потому что делать нечего.

– Я предупреждаю! – брови Председателя сошлись на переносице. – Сейчас не время для колкостей. В наших руках судьба страны. – Он посмотрел на Философа. – Продолжайте, прошу вас.

– Благодарю. – Философ поправил узел галстука. – Итак, задача – найти человека, наиболее удовлетворяющего нашим требованиям. Круг кандидатов мог бы быть чрезвычайно широк, но мы можем его существенно сузить. Во-первых, это не должна быть женщина.

– Почему? – удивился Политик.

– С чего им такие льготы? – буркнул Блюститель Порядка.

– Поверьте моему опыту, подкрепленному научными выкладками, – миролюбиво молвил Философ. – Женщина успешно соперничает с мужчиной в чем угодно, но только не в умении располагать к себе людей. Красавица вызывает зависть представительниц своего пола и затаенную неприязнь подавляющего большинства мужчин, поскольку она им недоступна. Замухрышка и того хуже – презрение с одной стороны и жалость с другой. Причем совершенно не имеет значения, умна женщина или глупа как пробка. Для окружающих ее мыслительные способности всегда будут следовать за внешними данными, а не наоборот.

– Сушая правда, – согласился Политик.

– В общем, – продолжил Философ, – смерть женщины, как бы она ни была известна, знаменита, не заставит людей выйти на улицы.

– Неубедительно, – пробасил Блюститель Порядка, истово ненавидевший свою жену. Об этом все знали, и Председатель с Дипломатом, у которых были схожие трудности, правда, не обострившиеся до последней крайности, взглянули на Блюстителя Порядка с сочувствием.

– Разумеется, – Философ обиженно поджал губы, снова дернул кадыком и снова поправил галстук, – я обрисовал ситуацию скупыми мазками, так сказать, вчерне. Но если желаете...

Председатель посчитал нужным прекратить намечающиеся дебаты:

– Отложим споры. Тем более что на женщинах свет клином не сошелся.

– Исключить следует также детей и стариков, – заторопился Философ. – Гибель ребенка породит в сердцах горечь и боль, но не решимость смести все на своем пути. Общественное сознание заботится о себе, защищается от тяжелых травм, ему легче расценить смерть ребенка как трагическое стечение обстоятельств, нежели как проявление чей-то злой воли. Образно выражаясь: это слишком страшно, чтобы быть правдой!

– Дети неприкосновенны, – кивнул Военный. – И все же...

– Даже если гнев и отчаяние выплеснутся наружу, – сказал Философ, – они устремятся отнюдь не в необходимое нам русло. Это будут обычные беспорядки, в лучшем случае – бунт, но локальный и скоротечный. Спокойствие быстро восстановят, государственные же устои останутся неколебимы.

– А старики? – спросил Политик. – Хватит, пожил... – и невольно покосился на Председателя, гордившегося свое седой шевелюрой и тщетно боровшегося с бурными старческими пятнами на руках.

– Именно поэтому их не стоит трогать. Люди скажут себе: «Хоть пожил – и то слава Богу» – и выпустят пар.

Дипломат хрустнул пальцами, покосился на Политика и сказал:

– Меня ваши доводы убедили.

Философ улыбнулся в знак благодарности.

Дипломат улыбнулся в ответ, мол, не за что, и заговорил вновь:

– Получается, нам нужен мужчина в полном расцвете сил. Приятной наружности – иначе не покорить сердца женщин. Деятельный и удачливый – иначе не завоевать мужчин.

– Не связанного с бизнесом, – добавил Военный.

– С большим бизнесом, – конкретизировал Блюститель Порядка. – Там без обмана нельзя...

Политик, перебивая, тоже внес лепту:

– И чтобы без большой политики. Люди с подозрением относятся к государственным деятелям, тем более к партийным функционерам. Интриги, коррупция... Трудно не замараться. Да и то сказать, правы: жулик на жулике сидит! Уж я-то знаю.

– Вам, конечно, виднее, – с едкой улыбкой согласился Дипломат.

– Что вы имеете в виду? – вскинулся Политик.

Блюститель Порядка, игнорируя перепалку, продолжал о своем:

– Обман обманом, но чтобы без явного криминального прошлого и настоящего! Никаких махинаций, спекуляций, проектов с запашком, сомнительных связей, девочек по вызову.

– Чтобы педерастом не был! – отчеканил Военный.

– Вот это верно. Традиционная ориентация надежнее, – поддержал Дипломат. – Электорату нравятся благополучные семьи и розовые краски. Нежные супруги, они же внимательные родители. Детишки-симпатяшки...

– И с армией чтобы без конфликтов, – все так же отчетливо сказал Военный. – Раз надо – отслужи. Отслужил – честь тебе и хвала. А то мода пошла – на каждом углу хаять. Армия тех любит, кто с ней по-доброму.

– Это само собой, – поддержал коллегу Блюститель Порядка. – Наша контора тоже со всем уважением, коли к нам с почтением.

Председатель взглянул на Философа, и тот снова взял слово.

– Господа, вы правы и... не правы. Если мы остановим свой выбор на человеке во всех отношениях безупречном, цель не будет достигнута.

– То есть? – недоуменно спросил Политик.

– Дело в том, что ярость, которую вызовет смерть суперположительного героя, невозможно будет направить против неугодных нам лиц и структур. Ведь он никому не мешает. Его все любят. Он всем угоден. Так кто же ответит за случившееся?

– Мы... – тихо проговорил Председатель.

– Разумеется, все будет сделано профессионально, – сказал Философ. – Тем не менее зарекаться нельзя. Возможен и такой вариант.

– Знаем, на что идем, – отрезал Военный. – Но лучше рискнуть, чем сидеть сложа руки и смотреть, что они со страной делают. Сволочи!

С этим все были согласны:

– Мерзавцы!

– Предатели!

– Иуды!

– Спокойнее. Спокойнее! – Председатель повысил голос, и этот нехарактерный для него поступок погасил страсти. – Никто не сомневается в вашей личной смелости, господа, в противном случае вас бы здесь не было. Пожалуйста, поясните вашу мысль, – обратился он к Философу.

– Если бы я знал, – твердо сказал тот, – что моя или чья-либо из собравшихся здесь жизнь станет той каплей, что переполнит чашу народного терпения, я не задумываясь взошел бы на эшафот и призвал любого поступить так же. Однако очнувшийся от спячки народ должен увидеть истинных виновников творящегося на этой земле беззакония, увидеть и уничтожить их! Вот почему я сказал, что вы правы и не правы. Кандидат должен отвечать высказанным требованиям, но лишь отчасти. Наш герой непременно должен быть уязвим! Он не должен якшаться с политиками, но иметь к ним доступ. Не должен оскорблять армию и органы правопорядка, но критиковать их. Не должен быть в противостоянии с коллегами, однако занимать такой пост, при котором без недоброжелателей и завистников не обойтись. Он не должен быть крупным коммерсантом, но участвовать в бизнесе. Не должен налево и направо изменять жене, но быть достаточно смазливый, чтобы иметь возможность в любой момент сделать это.

Голос Философа гремел набатом – притворство всегда громогласно.

– Только так мы сможем всколыхнуть массы, одновременно заронив подозрения и вызвав брожение в умах. Возникнет множество версий, и любой мотив будет казаться правдоподобным. Следствием этой неразберихи станет вывод: ЕГО ПОГУБИЛА СИСТЕМА! Ответственность за убийство будет возложена на политиков, дельцов, чиновников, на всех скопом, без разбора. И они будут сметены вихрем народного гнева.

– И тогда придем мы! – сказал Военный.

Остальные промолчали. Но их глаза были красноречивы.

Председатель пошевелился:

– Журналист, – выдохнул он.

– И не просто журналист, – воскликнул Философ, – а телевизионный журналист. Кумир миллионов!

– Нет возражений? – спросил Председатель. – Тогда перейдем к персоналиям.

... Три месяца спустя Председатель и Военный сидели в тех же креслах перед камином и пили все тот же портвейн. Разговор не клеился. Наконец Военный мрачно спросил:

– Ну, скольких еще надо убить?

2000 г.

Репетиция смерти

Повесть

1

Жизнь менялась к лучшему. И вот доказательство – маленькое, но все же. Снова заработал кирпичный завод, в смысле – снова в две смены. А в 98-м думали: все, капец, не выживет в сверхновых-то экономических условиях, не будут реанимировать, раскатают бульдозерами под торговый центр, это когда-то завод был на окраине, а сейчас жилые районы вокруг, место что надо.

Но жизнь менялась к лучшему. Народ начал строиться, правда, все больше приезжие из недалекой Москвы, но и свои, местные, старались не отставать. Вокруг города, на холмах, по опушкам, рассыпались островерхие краснобокие коттеджи. Всем нужен был кирпич, и желательно – «кремлевский», полированный, чтобы штучка к штучке.

– Мужики, слышь, а жизнь-то к лучшему меняется, – говорила тетя Маня, крановщица с пудовыми кулаками. – Ну, едренуть!

Мужики охотно соглашались. Тетю Маню в коллективе уважали – за бесстрашие и умение так обложить матерком стропальщиков, что слабо не покажется. Заслушаться впору!

...Но сейчас крановщица кричала как никогда прежде. И крик ее – надрывный, вибрирующий, раздирает утренний туман, срывает с мест рабочих и гнал их на погрузочную площадку.

– А-а-а!

Около крановщицы собралась толпа. Задние напирали. Передние отругивались, они и сами ничего не понимали. Тетю Маню гладили по обтянутой брезентом могучей спине, говорили что-то успокаивающее, а крик все рвался сквозь прижатые к обветренной коже ладони.

– Чего ты... Ну, чего ты?

Мастер формовочного цеха, человек пожилой, разного повидавший, попытался отвести от лица женщины скрючившиеся куриными лапами руки. Не сразу, но ему это удалось. И все увидели накрепко зажмуренные глаза и рот с частоколом желтых от никотина зубов.

– Хватит орать!

Мастер по старой дружбе закатил тете Мане затрещину.

Наступила тишина. Крановщица разлепила веки, повела вокруг бессмысленным ошалелыми глазами, посмотрела вверх и заголосила вновь.

Мужики тоже запрокинули головы и оторопели: на тросе, свисавшем со стрелы крана, болтался человек. Было уже достаточно светло, чтобы рассмотреть, что шея его вывернута, чуть не перерезана петлей. Язык болтался где-то у плеча. Удавленника слегка раскачивало ветром.

У мастера забулькало в горле.

2

Кочергин не спал. Он притворялся и делал это убедительно. Путилин дважды предлагал говорить потише разошедшимся в споре близнецам. Никитины переходили на шепот, но через минуту-другую вновь повышали голос, доказывая свою правоту. Путилин отвечал, скупно отмеряя слова, и Кочергин знал, что на губах судмедэксперта играет улыбка. Никитиных это задевало. По молодости и неопытности они не знали, что скепсис – визитная карточка Велизария Валентиновича. То был его взгляд на жизнь, выработанный за годы общения не только с живыми людьми, но и с трупами. Жизнь он всегда поверял смертью, ставя последнюю неизмеримо выше, поскольку она с легкостью перечеркивала пороки и достоинства, идеи, идеалы, верность, все и вся. «Смерть всему голова!» – любил говаривать Велизарий Валентинович. Обычно с ним никто не спорил – себе дороже, а вот Никитины, эта юная поросль, решались. Был бы повод. А повод находился всегда.

Близнецы наседали, пересыпая свои слова восклицательными знаками. Кочергину пришлось сделать усилие, чтобы волей-неволей не вникнуть в суть спора. Он и слышать не хотел о политике! Устал он от нее. Да и мало что в ней понимал. И был совсем не уверен, что другие понимают больше.

– Приехали, – известил водитель.

Кочергин встряхнулся, якобы сбрасывая с себя остатки сна.

– От проходной сразу налево. Потом вдоль цеха и направо.

Водитель посмотрел удивленно:

– Вы и здесь бывали?

Путилин, пересевший поближе, усмехнулся:

– Лет, этак, пятнадцать назад Михаил Митрофанович тут Васю Пчельника брал. Живым не вышло... А какой выстрел был! Олимпиада по товарищу Кочергину плакала... Прямо в лоб. И мозги наружу.

Следователь недовольно взглянул на судмедэксперта. Ему панибратство со смертью не нравилось.

– Затравленный он был, Пчельник, – продолжал Путилин. – Два мертвеца на нем висело. При побеге солдатика зарубил, потом тем же топором шофера, что с делянок лес вывозил. Но кого он действительно порешить хотел, шмару свою бывшую, до той как раз и не добрался. Васька ведь из-за нее магазин грабанул, чтобы всего у них в достатке было. Она его потом и заложила.

– А дальше? – спросил один из братьев, Максим.

– Обложили его на складе. Михаил Митрофанович стал уговаривать сдаться. В ответ – очереди. Васька-то автомат конвоира не забыл – забрал. Полрожка расстрелял. Петю Балашова, был у нас такой, клубом сейчас заведует, на всю жизнь инвалидом сделал.

– Громкое, наверное, было дело.

Путилин хмыкнул:

– Молодежь! Это сейчас о таких вещах пишут с удовольствием и показывают в красках.

А тогда ни шороха, ни вздоха. – Эксперт выглянул в окно. – О! Вот и наш удушенник.

«Уазик» остановился.

Из машины Кочергин выбрался последним – медленно, осторожно.

– Подагра. Говорят, «благородная» болезнь, «дворянская». А откуда она во мне, если все предки от сохи?

Таковыми словами он встретил поспешившего к нему директора завода, правившего им уже два десятка лет. Тот развел руки, не зная, что ответить, потом зачистил:

– Опять свиделись. И обстоятельства все трагические. Хорошо еще, что сегодня без стрельбы.

– Где покойник? – перебил Кочергин.

Директор ткнул пальцем в небо:

– Там.

Следователь поднял голову.

– М-да-а. Крановщик здесь?

– Крановщица. Она и обнаружила.

Подвели тетю Маню. Она испуганно моргала и шмыгала носом.

– Сейчас вы и наш сотрудник подниметесь в кабину и опустите... – Следователь поднял руку, пошевелил пальцами, подыскивая слово, которое не довело бы крановщицу до истерики, не нашел и сказал неопределенно: – Вот это самое. Игорь Александрович! – окликнул он одного из близнецов. – Пойдете с гражданкой. Посмотрите там....

Никитин метнулся к «уазу», выхватил из его недр фиброглассовый «дипломат», потом взял крановщицу под руку и, что-то нашептывая, увлек за собой.

- Ночью завод работает? – повернулся Кочергин к директору.
- У нас двухсменка. Начинаем в шесть. Но есть ночные сторожа.
- Побеседовать с ними можно?
- Ушли уже.
- Распорядитесь, пусть выяснят, где они живут.

Директор засеменил через двор, а Кочергин, направился к стоявшим в сторонке эксперту и Максиму.

Никитин был категоричен:

– Суицидом тут и не пахнет. Это ж сколько трудностей: взобраться на кран, пройти по стреле, спуститься по тросу, приладить петлю – на крюке и на шее... Бред! Приспичит удаться – повесишься на первом же дереве, на фонаре, на трубе сливного бачка в вокзальном туалете... Нет, дело ясное: придушили парня. Опустили трос, привязали и вздернули.

– А зачем такие страсти-мордасти? – с невинным видом спросил Путилин. – Придушили – и придушили.

– Откуда мне знать? – дернул плечом Максим. – На разборках и не придумывают, лишь бы пострашнее было. А почему собаку не пускаем, Михаил Митрофанович? Заспался кинолог наш.

– Ну и пусть спит, – сказал Путилин. – Куда пускать? Натоптано. И дождь под утро прошел. И вообще мне кажется, что ни на лестнице, ни на поручнях Игорь следов не обнаружит.

– Это еще почему? – обиделся за брата Максим.

Эксперт провел ладонью по рукаву плаща и показал налет на пальцах.

– А мы здесь всего-то минут десять. Сначала дождь все промыл, потом цементом присыпало. Если и есть отпечатки, то в кабине. За рычаги же кто-то садился!

Кочергин не вступал в разговор. Просто стоял, пряча руки в карманах демисезонного пальто. И смотрел на удушенника.

По лестнице крана скатился Игорь. Доложил:

– Снаружи пыль. В кабине все протерто.

– Опускайте, – сказал следователь..

Игорь поднял руки и закричал:

– Тетя Маня! Тетя Маня!

– Чего? – донесся с верхотуры громовой голос.

– Опускай!

Застучал мотор, и покойник заскользил вниз. Игорь щелкал фотоаппаратом, а Максим уже готов был принять мертвое тело, когда у Путилина вырвался возглас изумления:

– Кукла!

3

Все – как у людей. Защитного цвета брюки заправлены в кирзачи; строительная же куртка с ромбом-эмблемой на рукаве; в распахнутом вороте край полинявшей синей футболки. Плюс вывалившийся язык, выпученные глаза, синюшность... Когда разрезали веревку, на шее под ней обнаружилась странгуляционная борозда. Тоже как настоящая: цвет, складки, морщины.

– С натуры делал, – мрачно прокомментировал Максим.

Присев на корточки, он взял руку куклы. Ну надо же? Даже ногти оттенены синим!

Игорь, тоже присев, дотронулся до щеки куклы. Потер друг о друга большой и указательный пальцы, понюхал их. Потом сказал не слишком уверенно:

– Воск и грим. Так мне кажется. Общий тон нанесен пудрой. Все закреплено лаком для волос. Глаза стеклянные, покупные. Ресницы косметические, обычные. Чуть укорочены.

– Талантливо, – вынес свой вердикт Путилин.

Кочергин нагнулся и дернул куклу за волосы. Парик отделился с легким треском, на его месте осталось желтое расплзшееся пятно клея.

– Что же это? – возмутился незаметно подошедший к ним директор завода. – Это ж чистое издевательство!

Следователь повернулся к нему:

– Куклу мы заберем. Объясните людям, что происшедшее – шутка.

– Хороша шутка!

– Повторяю. Чья-то глупая шутка. Вы поняли?

– Понял, понял, – закивал директор.

* * *

Куклу уложили в проходе. «Уазик» затрясло на колдобинах, и Путилин подсунул под восковую голову свой сверкающий глянцем ботинок.

– Вещь хрупкая, расколется, – объяснил он, будто стесняясь своего поступка. – Обидно будет, если такая красота пропадет. Ну что, Максим, плакала твоя версия с разборками?

Никитин кивнул:

– Плакала. Тут психопат поработал! Нормальному человеку такое не учудить. Хотя... Есть еще одно соображение.

– А именно? – поощрил судмедэксперт.

– Предположим, некий гениальный скульптор оскорблен возмутительным невниманием публики к своей персоне. Надо как-то пробудить интерес. Вот он и подвесил свое творение. Журналисты, конечно, все разнохают, распишут. Тут-то он и появляется из-за кулис. Под бурные и продолжительные аплодисменты.

– А отпечатки в кабине? – напомнил Игорь. – Зачем их стирать?

– В игрушки играет, – отмахнулся Максим. – Хранит инкогнито. До поры. Детективов начитался.

Путилин пододвинул удобнее ногу, на которой покоилась голова куклы, и обратился к Кочергину:

– Вы-то что думаете, Михаил Митрофанович?

– Я не думаю, – сказал следователь после паузы и улыбнулся. – Я слушаю. Чтобы потом присвоить чужую славу.

– Или получить по шапке при неудаче, – заметил эксперт.

– Бывает и так. Издержки должности.

Путилин засмеялся.

– О чем разговор? Почему смех? – над спинками сидений качались помятое лицо кинолога и сонная собачья морда. – Ой, кто это? – Кинолог показывал на проход между креслами.

* * *

Больше в этот день происшествий, требовавших выезда следственной бригады, не случилось.

Кочергин сидел в своем кабинете, пил чай, рассеянно смотрел на девственно чистый рабочий стол – ни бумажки, ни пылинки, – и ждал начальственного вызова. В том, что такой вызов последует, следователь не сомневался. Он не сомневался даже в том, что Николай Иванович Приходько ради разговора с ним примчится на работу с утра пораньше.

Зазвонил телефон.

– Товарищ Кочергин, зайдите к Николаю Ивановичу.

Следователь допил чай и отправился к Приходько.

В «предбаннике» секретарша, прервав утренний макияж, язвительно заметила:

– А вы не торопитесь.

– На будущее, – сказал следователь, – не забывайте здороваться. Вежливость красит женщину.

Сквозь пудру на щеках секретарши проступил румянец. Он ее не красил.

– Что скажешь? – спросил Приходько, лишь только следователь ступил в кабинет.

– А что сказать? Кукла и кукла.

– Какая еще кукла?

Кочергин удивленно посмотрел на начальника:

– А вы, собственно, о чем?

– Это ты о чем?! Я тебя спрашиваю, ты дела сдаешь?

– Да уж сдал. Почти.

– А что с Поликарповым решил?

– Так это суду решать. Документы я подготовил, завтра передам. Пару лет, я думаю, придется посидеть вьюноше.

– Ты не гоношись! Не тебе сроки раздавать.

Кочергин посмотрел в окно. От тумана не осталось и следа. Солнце. Совсем не сентябрьское, по-летнему жаркое. А ночью зуб на зуб не попадал.

– Не мне. Мое дело – расследовать. Вот я и расследовал. Простое, в общем-то, дело. Со свидетелями. Все как один говорят, что девушку эту, Веркину, Поликарпов шлюхой называл. Пощечину дал. В лужу опрокинул. Прохожие его удержать попытались, так стал нецензурно выражаться. Пустил в ход кулаки. Зуб одному гражданину выбил. Когда все же скрутили его, грозился всех сгноить, отцом пугал.

– Ну, Веркина эта та еще штучка, – презрительно бросил Приходько. – Проститутка.

– А мне без разницы. От нее заявление было.

– Было и сплыло. Принесла она вчера вот эту бумагу. – Начальник надел очки и склонился над столом. – «Я, Веркина Любовь Васильевна, к Поликарпову Вячеславу Павловичу никаких претензий не имею. В случившемся виновата сама: деньги клянчила. Препрежнее мое заявление прошу аннулировать, поскольку написала его по злобе. А потом признаться боялась, что все не так было». Число и подпись. Понял, Михаил Митрофанович?

– А чего не понять? Грамотно изложено. И слова есть красивые, редкие, особенно «аннулировать».

– Ты на что намекаешь? Ты это брось! Оштрафуют парня – и пусть гуляет. Авось образумится.

– А как же отец его? Звонил ведь мэр наш, просил, чтобы по всей строгости наказали отпрыска.

– Вот мы и накажем... по всей строгости. В рамках закона. И вообще, хватит прикидываться! Никакая демократия отцовских чувств не отменит. А читать между строк и слышать, чего не сказано, – этому мы сызмальства ученые.

– Я, Николай Иванович, отличником никогда не был.

Приходько посмотрел испытующе сначала сквозь очки, потом сняв их. И вроде как обмяк, расплылся в кресле.

– Ладно, с Поликарповым я еще подумаю, как поступить. Теперь о другом. Что там с экспериментом?

Кочергин пожал плечами:

– Ну какой же это эксперимент? Полной бригадой и дежурить, и выезжать. Хорошо забытое старое. Сколько лет так было...

– То-то и оно, что было, – раздраженно произнес Приходько. – Ты же знаешь, какое у нас положение с личным составом. Дерьмовое положение! А тут приказ сверху: «Выполнить и доложить». Что, как, какими силами – о том не думают. Хорошо, стажеры есть, а то бы не выкрутились. До октября продержимся, а как сессия начнется – что делать?

– Не знаю.

– Вот и я не знаю.

– Сочувствую.

– И на том спасибо. Хотя это и нынче не твоего ума дело, а тогда и вовсе... Заслуженный отдых к таким мыслям не располагает. Ты отмечать-то собираешься?

– Что-нибудь придумаю.

– Учти, открутиться не удастся. Проводим на пенсию, как полагается. С почестями.

– С почестями только в гроб кладут. И с залпами.

– Типун тебе на язык. В общем, закругляйся с делами... Да, а про какую куклу ты говорил?

– Подвесил кто-то муляж на стреле крана. Натуральный удушенник. Никитины ее в лабораторию потащили.

– Как братья? Показывают себя?

– С лучшей стороны.

– Значит, не подводят...

– Случая не представлялось. Шучу. Хорошие ребята. Спешат только.

– Ты придерживай.

– Я придерживаю.

– А мне вот тебя придерживать приходится. – Приходько пожевал губами. – Добро! Забот у тебя сейчас не слишком много, так ты эту куклу на себя возьми. Нельзя хулиганам спускать, карать надо! И Максима Никитина привлеки, нечего ему от дежурства до дежурства без дела болтаться. Стажер все-таки, вот и пусть вкалывает. Ну, все, вопросов больше не имею. Свободен!

* * *

Никитины быстро управились с транспортировкой куклы в криминалистическую лабораторию, располагавшейся во флигеле Управления, и теперь сидели в кабинете Кочергина.

Игорь примостился на подоконнике. Он следил за тем, как во дворе шоферы моют машины. В веере брызг то появлялась, то исчезала радуга.

– Считаешь, откроют дело?

Максим сладко потянулся и чуть не вывалился из кресла хозяина кабинета.

– Конечно. И на Кочергина повесят. Кто нашел – тому искать.

– Логично. Только ты не забывай, что у Кочергина пенсия на носу. Дела уж сдает.

– Ну не завтра же он уходит! Успеет.

– Может, и успеет. А может, нет. Кстати, Макс, а ведь я такую куклу уже видел. Ну, не такую же – похожую. В книге. «Земля за океаном» называется. Об Америке. Автора забыл. Или авторов? Не суть. Была там фотография: манекен на виселице. У дороги. В Штатах такие хреновины для рекламы используются.

– Во, я же говорил! – воскликнул Максим. – Для рекламы это!

– И что их «покойник» рекламировал? – раздался голос от дверей. Там, в крохотном коридорчике, стоял, прислонившись к стене, Кочергин.

– Галстуки, кажется, – неуверенно проговорил Игорь.

– А наш – что? Брезентовую робу и кирзовые сапоги?

– Себя, – буркнул Максим, выбираясь из кресла. – Садитесь.

– Спасибо, – кивнул Кочергин и сел. – Значит, прецедент есть. Будем иметь в виду. И все на этом, давайте-ка по домам!

Дверь за близнецами закрывалась, когда Кочергин крикнул:

– Завтра без опозданий.

– Как можно... – донеслось до него.

4

Никитины шли по двору Управления. Спорили. Это было понятно по отчаянной жестикуляции Максима и по тому, как Игорь, не соглашаясь, качал головой. Загорелые, подтянутые.

Близнецы Кочергину нравились. Циников он повидал довольно, а эти парни были романтиками. Потому что только романтики соглашаются на работу с минимумом свободного времени и зарплатой... Что зарплата? Смех один. Интересно даже, насколько их хватит?

Кочергин отошел от окна. Снял трубку телефона.

– Михаил Митрофанович, ну нельзя же так! – возмутился Путилин. – Часа не прошло, а вы уже дергаете.

– Ничего, скоро отдохнете от меня.

– Зря вы так!

– Хорошо, зря. Но что-нибудь наверняка сделали.

– Что успел.

– И что успели?

– Позвонил. Навел справки. Коллеги интересуются: художники не нужны? Этих среди душевнобольных хватает. А вот с ваятелями плоховато. Есть один – лягушек из грязи лепит. Только этим и занимается с утра до вечера. Видно, грязь у них в дурдоме непролазная. Обещали пошерстить архивы: может, был такой, да выпустили. А у вас есть что-нибудь?

– Сейчас поеду к сторожам.

– Почему не Максим? Гнилой либерализм разводите, товарищ. Пора им из жеребцов скаковых в ломовых битюгов превращаться. Тем более что они и сами, по-моему, не против.

– Может быть.

– За что люблю вас, Михаил Митрофанович, так это за красноречие. Не возражаете, провожу вас немного?

– Не возражаю. Буду выходить – позвоню.

Путилин отключился, а Кочергин достал из кармана мобильник, нашел в «памяти» нужный номер и активировал его.

– Балашов? Петя? Здравствуй, это Кочергин... Нужна твоя помощь... Не прибедняйся... А сегодня?.. Ну, если собрание, да еще учредительное... Хорошо, увидимся завтра. В одиннадцать...

Следователь одевал пальто, и тут заверещал телефон на столе.

– Михаил Митрофанович, ты? – Приходько говорил быстро, уверенно, с радостным облегчением. Так бывает, когда человек, до того колебавшийся, медливший, вдруг отбрасывает сомнения, остановившись на решении, от которого он теперь уже не отступит. – Я к тебе Черникова направил. Передай ему все, что у тебя есть на Поликарпова.

– Под расписку, Николай Иванович.

На другом конце провода раздался смешок.

– Страхуешься? Может, и служебную записку пишешь? С «особым мнением». Только не поздно ли? Я уж думал, ты теперь только с собесом переписываешься. Ну, пиши...

Гудки.

Кочергин снял пальто. Открыл сейф. Достал из него и бросил на стол папку. Сел и стал ждать.

В дверь постучали.

– Михаил Митрофанович, а вот и я.

Черников улыбался. Он всегда улыбался – масляно, ласково, и от этой улыбки Кочергина чуть не стошнило.

* * *

Бульвар был полон людей. Над головами колыхались флаги и транспаранты. Путилин и Кочергин задержались около девушки, которая, высунув от усердия язык, выводила алые буквы на расстеленном на траве полотнище. Вот она прервала свое занятие, задумалась.

– «Долой» – «гниой», – подсказал рифму Путилин.

Девушка макнула кисточку в банку.

Они пошли дальше. Под ногами шуршали листья.

– Вы когда-нибудь писали стихи? – спросил Путилин.

– Нет.

– А я писал. В юности. Уверен был, что есть во мне искра Божия. Но поэт из меня не получился.

Вдалеке невнятно зарокотал мегафон. Толпа, запрудившая бульвар, пришла в движение и выплеснулась на мостовые. Кочергин и Путилин свернули на боковую аллею.

– А все почему? Потому что не творил я – конструировал. Никаких тебе полетов во сне и наяву. Складывал слова, прижимал букву к букве, издевался над грамматикой и фонетикой. И был счастлив. Потому что был всемогущ! Но и власть может прискучить. Если она лишь над словом. Не над людьми. А люди вирши мои не читали. И мной, соответственно, не восторгались. Обидно было ужасно, но они были правы. Это я потом, когда поостыл, понял. Паршивые стихи и скудные мысли – чем восхищаться? А когда понял, с сочинительством завязал тут же. Чтобы не позориться.

Путилин прищурился:

– Никогда не понимал поэтов, воспевающих осень, ее томление, увядание природы. В моем сознании осень ассоциируется со старостью, с беззубой дряхлостью, у которой впереди только смерть и тлен. Смешно?

– Нет.

– Знаете, Михаил Митрофанович, выбила меня из колеи эта кукла. Вон как заговорил... Хотя не в кукле дело – в человеке, ее подвесившем. Если бы он был сумасшедшим, все было бы просто, но помяните мое слово – он нормален.

Кочергин взглянул на судмедэксперта. Они много лет работали бок о бок, но таким Велизария Валентиновича Путилина следователь видел впервые. Бородка «клинышком», зачесанные со лба волосы, очки в тонкой золотой оправе – все это осталось, но изменилось лицо – оно было как у обиженного ребенка. Должно быть, таким оно было у маленького Велика, когда он тыкался, зареванный, в материнские колени или бежал за советом к отцу. Родители Путилина, известные в городе врачи, люди настолько передовые и независимые, что, не побоявшись насмешек, наградили единственного ребенка редким и вычурным именем Велизарий, погибли в автомобильной катастрофе в год двадцатилетия сына. Тогда-то студент медицинского института Велизарий Путилин и выбрал специализацию – патологоанатомию, и в конце концов стал судмедэкспертом в родном городе. А вот почему не остался в столице – ведь приглашали, почему не пошел в науку – была возможность, сам как-то обмолвился, и почему пребывал в положении холостяка, – этого Кочергин не знал. И не пытался выяснить, каждый имеет право на личные и неприкосновенные тайны.

– Уголовный кодекс гласит, – между тем продолжал Путилин, – хулиганство есть умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу. Я спрашиваю: нарушил ли кукольник общественный порядок? В общем-то, да. Но! Возможно, не желая того. Он не буянил, не бил витрины и физиономии, он никого не принуждал собираться под стрелой крана. Хорошо, предположим, нарушение было. Но было ли оно грубым, существенным? Кто возьмет на себя смелость определить эту степень? Я? Вы, прокуратура? Суд? Мне, к счастью, не придется. Наконец, проявил ли он неуважение к обществу? Для большинства покойник – нечто неприкосновенное, и чувства людей не предмет то ли глумления, то ли диких экспериментов. Но если иначе, если допустить, что режиссеру, превратившему трагедию в фарс, и дела не было до зрителей в зале?

– В его действиях, – отчеканил Кочергин, – налицо пренебрежение правилами общежития, забвение сложившихся за столетия моральных и нравственных норм. Сознательное это пренебрежение или неосознанное, выяснится потом. Первое – хуже.

– А вы не упрощаете? Если он никого не хотел оскорбить, унижить...

– Велизарий Валентинович, я понимаю, к чему вы клоните. Отсутствие хотя бы одного из признаков, характеризующих хулиганство, исключает ответственность.

– Вот именно. Азбучная истина. Мы его ищем, а искать, может, и не надо. И так работы хватает: убийцы, бандиты, каталы, кидалы – кого только не расплодилось. Их бы и ловить.

– Ловим. Но и этого кукольника искать надо. Потому что мы должны знать, чего он добивается, какая у него цель. Ну, мало ли что у него в голове, какие тараканы.

Путилин вздохнул:

– А мне его почему-то жаль.

– А вы не торопитесь посыпать голову пеплом. Не исключено, что мастер этот ни сном, ни духом о происшедшем.

– То есть как?

– А так. Изготовил куклу для одной из этих современных выставок или какой-нибудь театральной постановки. А ее выкрали.

Кочергин лгал. Первое, что он сделал, вернувшись в Управление, так это навел справки, не было ли заявления о столь странных пропажах. Не было... Но он лгал, лгал легко и не раскаивался в этом.

Путилин приободрился:

– Думаете, сторожа вам что-нибудь дельное скажут?

– Всякое может случиться.

– Тогда удачи. А я, пожалуй, пойду в массы, стану в строй у широких трибун.

– А против кого митингуют?

– Да мне все равно.

Путилин повернулся и зашагал по тротуару – чуть быстрее, чем люди, идущие по мостовой.

5

Ботинки причиняли нестерпимую боль. Прохожих на улицах было мало. Машины, смиренно заглушив моторы, стояли, приткнувшись к бордюрам. И ни одного автобуса! Хорошо хоть не Москва или какой другой большой город, у них и пешочком можно. Даже не без удовольствия. Если бы не эти «испанские сапоги»...

Кочергин свернул в проходной двор и очутился на тихой узкой улочке, зажатой с обеих сторон сомкнувшимися в ряды двухэтажными домами.

Вот и нужный подъезд. Грязный, вонючий. Ступени лестницы – непреодолимая преграда. Как оказалось – преодолимая.

– Чего надо?

Лохматая голова. Набрякшие веки. Глаза навывкате в красной паутине лопнувших сосудов.

– Вы Никифоров?

– Ну.

– Милиция.

Мужчина икнул.

– Работаете на кирпичном заводе? Сторожем?

– Ну.

– Так, может, впустите? Или через порог разговаривать будем?

– Заходи, раз пришел.

Никифоров отступил, споткнулся о что-то, зазвеневшее жалобно и надтреснуто, и грохнулся на пол. Выматерился и, опираясь о стену, с трудом занял вертикальное положение.

Комната еще хранила следы бывшего достатка. Но даже те немногие вещи, что находились в ней, были изуродованы самым безжалостным образом. Сервант в углу стоял без стекол, а его полированного дерева поверхности были исцарапаны и испятнаны черными подпалинами –

следами сигарет. Штанга торшера, прижавшегося к широкой тахте, была согнута, а сама тахта не имела боковых спинок – они валялись рядом, тоже в царапинах и сколах.

– Что, не нравится? – Никифоров набычился.

– Не нравится. Особенно вот это. – Кочергин показал глазами на стол у окна, заваленный грязной посудой и заставленный бутылками.

– Ах, не нра-а-вится, – протянул сторож. – Так не смотри!

– Как насчет того, чтобы повежливей? Советую.

– А ты не пугай! Я свое отбоялся. Сначала в Афгане, а потом и в Чечне! – Лицо Никифорова пошло пятнами. – А вы здесь баб щупали, пока мы там загибались.

Он шагнул к столу, плеснул в стакан из бутылки, выпил залпом. Заморгал часто, на глазах его появились слезы.

– Ушла она от меня. Не нужен стал. Раненый... Ну и черт с ней! – У Никифорова, как у всякого пьяницы, настроение менялось быстро. – Но тут ей ничего не обломится! Уж я постарался.

Кочергин придвинул к себе колченогий стул. В лучах солнца, пронзавших искромсанные в лоскуты занавески, плавали пылинки.

Никифоров плюхнулся на тахту. Поставил локти на колени, зарылся лицом в ладони. Когда же через минуту поднял голову, глаза у него были тоскливыми, как у побитой собаки. И осмысленными.

– Надо-то чего?

– Вы этой ночью дежурили. Происшествий не было? Посторонних?

– Нет. Не знаю... Пьян я был. Спал в сторожке.

– А Климович?

– Коля? Он эту заразу в рот не берет. – Никифоров неверно истолковал вопрос следователя. – У него другие интересы. Учится он.

– Напарник ничего подозрительного не заметил? – терпеливо пояснил Михаил Митрофанович.

– Кто ж его знает? Ничего такого не говорил.

Кочергин потер колени и поднялся.

– Пьете, значит. Ведь уволят. Что тогда? Побираться пойдете?

– Не уволят. – Никифоров растянул губы в ухмылке. – Я ж ветеран и инвалид. – Он задрал рубаху. Под ребрами бугрился шрам. – Видел?

Следователь достал блокнот, раскрыл, написал несколько слов. Вырвав листок, бросил его на неприбранную постель.

– Завтра в десять прошу вас явиться в прокуратуру. В следственный отдел. Фамилия моя Кочергин. Пропуск будет заказан. Все!

– Эй, погоди. – сторож схватил его за рукав. – Со мной нельзя так. Меня уважать надо. Я же майор! Комиссовали меня, а я только и умею, что командовать да стрелять. Полживота выпотрошили – кому нужен? Слушай, друг, выпей со мной. Прошу тебя, как человека прошу.

– Я бы выпил, – Кочергин высвободил руку, – но не могу. Нельзя мне. Честное слово.

Никифоров дернул головой, точно его ударили.

* * *

Сначала Кочергина долго рассматривали сквозь глазок. Потом все же отворили – на длину цепочки.

– Документики ваши...

Следователь открыл удостоверение перед выцветшими глазами седенькой старушки.

– Похож?

– Похожи. А какая у вас к нам надобность? Мы люди мирные.

– Николай Климович мне нужен.

- Коленька? Господи, да зачем он вам, он мальчик тихий.
- Побеседовать с ним хочу. Или нельзя?
- Спит он.
- Придется разбудить.
- А по-другому никак?
- Можно и по-другому. Повесткой вызвать.

Старушка открыла рот, закрыла и сняла цепочку.

В прихожей следователю предложили надеть тапочки. Морщась от боли, он стащил ботинки и с удовольствием сунул огнем горящие ступни в шлепанцы.

– Вы здесь побудьте, в зале. Я его сейчас разбужу.

Кочергин огляделся. Вся гостиная была заставлена стеллажами с книгами. Судя по авторам, обитали в этой квартире люди образованные. Об их интеллигентности судить еще было рано.

Из-за неплотно прикрытой двери в смежную комнату слышался торопливый старушечий говорок. Ей наконец-то ответили – ворчливо и раздраженно. Через несколько секунд в гостиной появился паренек в спортивном костюме.

– Здравствуйте, – сказал он, порхая ресницами, длине которых позавидовала бы любая женщина. – Я – Климович.

Кочергин назвалса и еще раз показал удостоверение.

– У меня есть к вам, Николай, несколько вопросов.

– Пожалуйста

Следователь взглянул на застывшую в дверях старушку. Та фыркнула, подвигала провалившимся ртом и выскользнула в коридор. Загремела посудой на кухне.

– Вы работаете сторожем.

– Ночным сторожем, – уточнил Климович. – На ДСК.

– В эту ночь ничего необычного не заметили?

– Нет.

– А то, что Никифоров был пьян, это явление рядовое?

– Я его вообще трезвым не видел. И не я один.

– Что же его держат?

– Жалеют. А он считает, что так и должно быть. Ко мне сначала придирался, но я ему быстро втолковал, что никому ничего не должен, а кому должен – всем прощаю. И на бойню в Чечню не я его посылал. Объяснил. Теперь сосуществуем. Мирно.

Кочергин помял пальцами переносицу.

– Дело в том, Николай, что к тросам крана на погрузочной площадке кто-то привязал куклу.

– Какую куклу?

– В человеческий рост, в сапогах и робе, с лицом удавленника. Люди поначалу не разобрались что к чему, приняли за покойника.

Климович рассмеялся:

– Колоссально! Настоящий «сюр». Жаль, меня не было.

– Кукла висела высоко. Выходит, тросы опускали, потом подняли. Вы не слышали шума мотора?

– Кажется, стучало что-то, да я внимания не обратил. Я ведь почему в ночные сторожа подался? Мне время для занятий нужно. Хочу в Москве на филологический поступить. Уже пытался, но одного балла не добрал. Был бы тупицей – не так обидно, но серятина проходит, а я за бортом! И все потому, что приемная комиссия на корню куплена, нужных детишек на факультет пристраивает. Но я упорный. Армия мне не грозит – легкие слабые, так что торопиться некуда. Поступлю! Заставлю принять!

Кочергин слушал, не перебивал. Опыт.

– Прежде чем в отдел кадров завода прийти, – продолжал парень, – я все выяснил. Воруют там все, кому не лень, начиная с директора, но только свои и днем. Главная задача ночного сторожа – ворота на запоре держать. Остальное – мелочи: обойти три раза территорию, проверить замки – и обратно в сторожку. А если что случится – прикроют, потому что копни поглубже, такое дерьмо полезет... В общем, все условия: времени для занятий навалом, тишина... И зарплату не задерживают.

– Так вы делали обходы?

– Мог бы и шлангануть, но все равно голову надо было проветрить.

– И ничего не видели?

– Не видел. Сырость. Дождь. Туман под утро лег.

Следователь задал еще несколько вопросов, на которые получил исчерпывающе полные ответы, которые, однако, ничем ему не помогли. Можно прощаться.

– Вы, наверное, удивлены моей откровенностью, – предположил Климович, выходя с Кочергиным на лестничную площадку. – Ну, когда я так прямо о заводских хапугах. Это потому, что я умный. Под протокол я ничего не скажу. Мне скандалы ни к чему, нервы дороже.

Кочергин взялся за перила, холодно взглянул на юношу с длинными девичьими ресницами:

– Если понадобится, вас вызовут.

И заковылял вниз по лестнице.

6

В этом доме он родился. В коммунальной квартире, где стены дрожали от бесконечных склок и свар. В комнате их жило четверо: он, мать, отец и бабушка, мать отца. Жили трудно, но особо не бедствовали. Когда в 42-м отец погиб на фронте, главой семьи стала бабушка. Мать, кашляющая, с лихорадочным румянцем, во всем подчинялась свекрови. Все вокруг были уверены, что долго матери не протянуть, но она пережила бабушку, размашистую, спорую на работу, легко вздымающую голос до крика.

Бабушка умерла в первую послевоенную зиму. До самого последнего часа бодрилась, а потом подозвала внука, положила руку на его плечо, притянула, поцеловала сухими губами: «Ты теперь главный, Миша».

Он и сейчас не понимал, как вытянул этот воз: завод, институт, больная мать... Сюда, в этот дом, привел он Таню. Познакомил с матерью, которая уже не вставала с постели. Сказал: «Мы решили пожениться, мама». Мать отвернулась к стенке, пряча слезы.

Через два года родился сын. Назвали его Володей, в честь деда Михаила Митрофановича. Мать счастливыми глазами смотрела на внука. А полгода спустя она уснула и не проснулась. У мертвой, у нее было удивительное, совсем незнакомое лицо: страдания оставили ее, и она лежала в гробу умиротворенная, красивая.

В 63-м Кочергины получили двухкомнатную квартиру в новенькой «хрущевке». Тогда их клепали по всему Союзу. Из коммуналки Михаил Митрофанович уезжал без сожаления: друзья еще раньше разъехались по окраинам, где, как на дрожжах, поднимались новостройки. Работы было по горло, и мало-помалу он стал забывать и этот дом, и этот переулок.

Вновь очутился он здесь в начале восьмидесятых при расследовании простенького дела: в соседнем доме что-то не поделили отец и сын, оба законченные алкоголики. Отпрыск оказался проворнее, пырнул папашу столовым ножом...

Потом он от случая к случаю бывал здесь. Никогда не приезжал специально, но, оказавшись поблизости, вот как сегодня (сказать по совести, он потому и поехал к сторожам сам, а не послал Никитина), Кочергин не упускал возможности заглянуть в переулок, постоять перед все более ветшающим домом. Прошлое придвигалось. Он вспоминал родителей, бабушку, вспо-

минал свою юность. Вспоминал танцы во дворе под патефон и запах листвы по весне. Это была его жизнь, переписать которую заново он не мог да и не хотел.

Под ногой скрипнуло разбитое стекло. Затянутый в корсет строительных лесов, дом был окружен забором из горбыля. Табличка на заборе извещала, когда будет завершен капитальный ремонт. Тут же был плакат, наглядно демонстрирующий, как будет выглядеть здание в недалеком будущем.

Кочергин внимательно изучил рисунок. Башенки-то зачем? Хотя, конечно, красиво. Даже очень. Но это уже не его дом.

Он пошел прочь. В Управление. На работу, хотя мог бы поехать домой. Но у него было дело. Он не хотел его откладывать.

Кочергин шел, а прошлое, как и положено, оставалось позади.

* * *

Этим вечером с автобусами творилось черт знает что. Может, то были отголоски – по «принципу домино» – вынужденной паузы, взятой общественным транспортом из-за состоявшегося днем митинга. Но Кочергин дождался. Не было у него другого выхода – на своих двоих не доковылял бы.

Он сошел на конечной остановке и перевел дух: «Дома».

Ключ никак не влезал в замочную скважину. Дверь открылась без его помощи.

– Услышала, как ты гремишь. – Жена вытирала руки о фартук. – Иди ужинать.

Михаил Митрофанович опустился на табурет под вешалкой. Сбросил ботинки. Откинулся, утонув спиной в мешанине пальто и плащей. Он шевелил пальцами ног, ни о чем не думал, отдыхал.

– Ты идешь?

Поставив перед мужем тарелку и чашку с чаем, Татьяна Васильевна вернулась к плите.

– Больше не хочу, – сказал Кочергин, проглотив две ложки манной каши. – Не сердись. – Он заискивающе улыбнулся.

– Если бы я колбаски копченой нарезала, ел бы и нахваливал. Но ведь нельзя тебе!

– Я и не прошу. Находился просто. Ничего не хочу.

Руки жены легли ему на плечи.

– Миша, ну зачем ты все сам и сам? Нужен человек – вызови в Управление. До пенсии считанные дни, а ты носишься по городу, будто молодой.

Объясняться с женой Кочергину не хотелось.

– Володя дома? – спросил он.

– У себя.

Перед комнатой сына Кочергин остановился, испытывая доселе неведомую потребность постучать и осведомиться, можно ли войти. Одернул себя и вошел без стука.

Володя лежал на кушетке с книгой в руках.

– Привет.

– Привет.

Кочергин прошел к письменному столу, сел в кресло, посмотрел на сына и споткнулся о его вопрошающий взгляд. Он почувствовал себя неловко, как человек, который сознает, что неинтересен собеседнику, но по тем или иным причинам не может оставить его одного.

– Что читаешь?

– Хемингуэй. «Фиеста».

– А-а... Коррида. Солнце. Любовь. И герой импотент. Лишний человек. Слабый.

Глаза сына сузились. Он будто решал: стоит ли отвечать? Но сказал:

– Он не слабый, папа, Джейк Барнс – мертвый. Ему так кажется. Что его убили на войне. Но он ест, пьет, ходит, говорит, в общем, живет, а значит он – сильный. Не знаю, как бы я повел себя, окажись на его месте – на собственных поминках.

Лицо у Володи было недовольное. Открытость в общении с родителями не была ему свойственна. Последние лет пять.

Кочергин коснулся кончика носа, потрепал его и произнес неуверенно, сглаживая неловкость:

– Вообще-то я давно читал, подзабыл. Знаешь, на нас в свое время прямо волны накатывали: Кронин с его «Цитаделью», потом Ремарк и «Три товарища», потом Хемингуэй... Наверное, мы слишком торопились читать, слишком жадно читали. Сейчас вот говорят, слышал наверное, что читать прежде было интереснее, чем жить. Чушь, конечно, но что-то в этом есть.

Володя молчал. Кочергин посидел с минуту, потом тяжело поднялся.

– Не буду мешать. Да и спать хочется...

Укладываясь рядом с ним, Татьяна Васильевна спросила:

– Что Володя?

– Так, поболтали о литературе.

– Ты серьезно?

– А что в этом особенного?

Кочергин долго не мог заснуть, лежал неподвижно, опасаясь потревожить жену, вспоминал разговор с Путилиным и думал, что становится законченным лжецом.

7

Никитины курили, сосредоточенно пуская кольца дыма – у кого красивее. Курить в постели было их привилегией: мама пыталась бороться – не получилось.

Сна не было ни в одном глазу

Ближе к вечеру к ним завалились Генка и Павел. Инициатором «мальчишника» был Генка, единственный в компании «женатик». Его «половина» уехала к приболевшей матери в Новгород, а потому уже третий день Генка полной грудью вдыхал сладкий воздух свободы. В этот вечер, вооружившись бутылкой ныне супердефицитного «Агдама» – нашел же где-то! – он заскочил к Пашке и потащил его к близнецам.

Они расположились на кухне. Тянули вино, само по себе напоминавшее о прошлом, и трепались «за жизнь». Группируясь по трое, посмеялись над Генкой с его негаданно обретенной свободой, осудили Павла за затворничество. Потом вспомнили школу, которую прошли плечо к плечу от первого класса до выпускного; вспомнили учителей. Ну и армию, конечно, тоже вспомнили. Пусть после дембеля и прошло немало лет, никто не забыт и ничто не забыто.

– Кого-кого, а Шапиро я на всю жизнь запомню, – сказал Павел. – Ох, и поизмывался он надо мной!

– Еврей, – все объясняющим тоном сказал Генка.

– Не пори чушь! – оборвал его Игорь. – Нам с Максом в «опекуны» чистокровный русак достался – Иванов и по имени Иван. Та еще скотина!

– А эти, – подключился Максим, – как их, ну, друганы?

– Бартикас и Сургишвили.

– Во, во, продохнуть не давали.

– Да ладно вам, – отмахнулся Генка. – Ну, брякнул, а вы и навалились.

– А все же, – Павел покрутил в пальцах рюмку. – Не все так просто с «дедовщиной» этой. На учениях «деды» всегда за двоих пахали – за себя и за «молодого», который пока ни хрена в службе не смыслит. Тот же Шапиро пять километров пацанчика «зеленого» на загривке пер, когда тот ноги в кровь сбил. А стрельбы уже начались, шальной снаряд – и всем шиздец.

– Нам еще повезло, – сказал Игорь. – Вместе служили. Близнецам по закону положено. Вам туже пришлось.

Павел криво усмехнулся:

– У нас белорус один был, такой бугай! Его «деды» поначалу не прессовали. Потом врезали по пьяни, а он не ответил. Тут-то его и принялись долбать. Так он электролита глотнул.

Насилу откачали. За него еще круче взяли. Тогда он гвоздь проглотил. Увезли в госпиталь. Обратно не вернулся, в другую часть перевели.

– У нас «молодые» заявления писали, – сказал Генка. – В Чечню просились. Думали, там лучше будет.

– А не выпить ли нам? – предложил Максим.

И все немедленно, по-ерофеевски, выпили – за армию, в которой уцелели.

* * *

До блеска начищенный поднос луны завис в правом верхнем углу окна. Луна была большой и яркой.

– Макс, задерни шторы.

– Задерни.

– Выбросим?

Они выбросили на пальцах. Вставать выпало Максиму. Он спрыгнул с кровати, зашторил окно и вновь нырнул под одеяло.

Игорь загасил в пепельнице сигарету, закинул руки за голову.

– Я чего в толк не возьму. Как сами-то не опаскудились? Ведь когда «дедами» стали, вытворять могли, что только в голову придет. Власти-то сколько! Как не скурвились? Ведь было искушение...

– Было, – подтвердил Максим. – Знаешь, мне до сих пор побудка снится. Дневальный орет, «дедушки» спят, а мы, «молодые», сыпемся со вторых ярусов, портянки мотаем...

– Сапоги! – перебил брата Игорь, приподнимаясь на локте. – Сапоги на кукле были армейские.

– Что? – Максим выронил сигарету, полез за ней под кровать.

– Со шнурками! Чтобы при прыжках с парашютом не сваливались.

Максим замер, стоя на коленях между кроватями.

– Точно! В таких десантура шикавала. Это ж потом берцы появились. Еще тряслась над ними. А это значит...

– ...внутри на голенищах должна быть фамилия владельца! – заключил Игорь. – Они их подписывали, чтобы не сперли.

Максим засмеялся:

– С утра и проверим. Утром нос Кочергину!

Они еще поговорили, еще поворочались. И заснули.

8

В лужах плавали желтые листья.

Сквозь туман виднелась размытая дождями проселочная дороги.

По дороге шел человек. В колее по пояс.

Человек плакал, и это было странно, потому что глаз у него не было.

Подергивалась кожа на скулах. Человек порывался что-то сказать, но ему мешал язык, вывалившийся изо рта красно-синей тряпкой.

Это был Володя. Сын...

Кочергин проснулся. Сердцу было тесно в грудной клетке. В клетке...

Рядом тихо всхрапывала жена. Кочергин подтянул одеяло повыше. Ноги крутило и ломало. До рассвета еще далеко. Надо терпеть.

9

– Какие гости! Милости просим! Чувствуйте себя как дома.

Крапивницкий был суетлив и подобострастен. Ломал комедию. Он скоморошничал всегда, не выбирая партнеров, но заботясь о декорациях.

– Осторожно, у нас здесь проводок протянут, неровен час споткнетесь. А тут вот термостатик – не пораньтесь, у него углы острые. Куколкой интересуетесь? Не вы один, Михаил

Митрофанович, не вы один. Игоречек, гордость наша, появился, лишь третьи петухи пропели. И уважаемый эскулап Путилин только-только заглянул.

Велизарий Валентинович выступил из-за стеллажа с ретортами, и Кочергин отметил, что выглядит судмедэксперт неважно: борода торчком, у губ глубокие складки, глаза блестят, будто в них накапали белладонны.

– Что же вы? Прошу, прошу.

Крапивницкий провел следователя, эксперта и близнецов в соседнюю комнату.

Прямо против двери находилось огромное – от стены до стены – окно, сквозь которое в комнату вливались солнечные лучи. В этом потоке нежился распластавшийся на прозекторском столе обнаженный человек.

Кукла... Она лежала, повернув голову к окну. Одежда была аккуратно сложена на стуле; между ножками развалили голенища сапоги.

– Великолепная работа. Вот, полюбуйтесь! – Крапивницкий ухватил куклу за язык и повернул голову к ним лицом. – Но что занимает вас, досточтимые, что тревожит? Дата смерти? Так с этим не ко мне, а к господину Путилину.

– Дата «рождения» и сопутствовавшие ему обстоятельства, – сказал Кочергин.

– Это точно, обстоятельства необычные, ни тебе зачатия, ни... – Крапивницкий, кривляясь, прикрыл рот ладонью. – А если серьезно, я бы лично не отказался от знакомства с человеком, изготовившим это чудо. За честь почел бы. Это же произведение искусства! О лице и речи нет, придаться не к чему. Но и там, где тело скрывает одежда, где не воск, а пластмасса, исполнение ничуть не хуже! Кстати, господа, вы отдаете себе отчет, насколько совершенным должно быть сочленение «голень-ступня», чтобы обусть такую куклу в сапоги? – Заведующий криминалистической лабораторией взялся за ногу куклы и стал сгибать и разгибать голеностоп.

– Что внутри? – спросил Кочергин.

В ответ Крапивницкий подцепил ногтем одну из напозающих друг на друга пластинок. Та отскочила, открыв сплетение металлических стержней и пружин.

– А это зачем? – Кочергин показал на «вафельное» полотенце, брошенное кукле на бедра.

– Забываете, товарищ следователь, у меня не один Игорь в стажерах ходит, у меня и дамы есть в отделе. Молоденькие. Впрочем, коли желаете...

Крапивницкий жестом фокусника сорвал полотенце. На месте гениталий зияла черная дыра.

– Где?.. – начал Максим и осекся.

– Я не брал! – прижал руки к груди Крапивницкий.

Кочергин увидел, как сжались в кулаки и побелели пальцы Путилина. С экспертом и впрямь что-то творилось. Обычно шутки такого рода вызывали у него одобрительную ухмылку.

А Крапивницкий блаженствовал, наслаждаясь всеобщим вниманием.

– Должен признаться, искренне рад такому... э-э... знакомству А то все ножи, топоры да автоматы. Никакой фантазии! Проза жизни. Изнанка, так сказать. А тут – поэзия! Мы с Игорем еще покумекаем над этим сокровищем, пока же хочу сделать вам маленький сюрприз.

– Это вы о надписях на голенищах?

– Поперед батьки в пекло лезешь? – Крапивницкий быстро повернулся к Игорю. Тот ответил начальнику невинным взглядом.

– Так что написано? – поторопил следователь.

– Хоть это вам неизвестно, – с облегчением вздохнул заведующий лабораторией. – И то хлеб. «Виноградов. Вторая рота».

– Все?

– Все. А что – мало?

– Негусто. Но и за это спасибо.

Кочергин, Путилин и Максим направились к выходу. В коридоре Путилин бросил:

– На редкость неприятный тип. Циник.

– Иди, я догоню, – отослал Никитина следователь и лишь после этого сказал: – Что не так, Велизарий Валентинович?

– Настроение. Да и вообще, все не так. Можно взглянуть? – Путилин показал на пленки с отпечатками пальцев «кукольника», которые на прощание были вручены Кочергину.

– Пожалуйста.

Судмедэксперт бережно принял пленки, поднес их к глазам. Казалось, изысканный узор папиллярных линий зачаровывает его.

– Почему на кукле их предостаточно, – спросил он, – а в кабине крана отпечатки стерты? Только не говорите о любви к детективам – это Максиму простительно, но не вам. И не повторяйте вчерашнее: что делал куклу один человек, а подвесил другой. Вы же сами в это не верите! Ну, так почему?!!

Кочергин неопределенно пожал плечами, и тут в коридоре появился Максим.

– Михаил Митрофанович! Кукла! Еще одна!

10

У кабинета сидел Никифоров. Трезвый. Увидев следователя, он поднялся с жесткого фанерного стула. Поздоровался хмуро. Михаил Митрофанович отомкнул дверь и пригласил Никифорова войти.

– Значит, так. Я кое-что выяснил. Например, что вы классный водитель и после того, как вас комиссовали, работали шофером. Потом уволились. По собственному желанию. Сомневаюсь, что работа ночного сторожа вам больше по душе. Короче, отправляйтесь в 4-й автопарк – знаете, где это? – и оформляйтесь. Месяц поработаете слесарем. Если срывов не будет, дадут руль. Через полгода станете «дальнобойщиком» – концы в тысячи километров плюс сам себе голова. То, что вам надо.

Никифоров исподлобья смотрел на следователя.

– За меня все решили, да? – накаляясь, проговорил он. – Если хочешь знать, я потому ушел, что руки дрожали. Чтобы не сбить кого по пьяни. Я водкой память гасил! Мне же петля мерещится! Понял?

Кочергин снял с плечиков пальто.

– Понял, чего ж не понять. И прекратите истерику, майор! Никто за вас не думает. Решайте сами. А сейчас, извините, тороплюсь. Давайте ваш пропуск, я подпишу.

* * *

Эта береза была местной достопримечательностью. Старше ее в городском парке, да и в окрестных лесах дерева не было. Грузная, со следами срубленных капов, она с царственным величием возвышалась посреди небольшой поляны.

На березе висел фанерный щит, по которому расползлись полустертые временем, полусмытые дождями буквы. Надпись гласила, что эта береза была свидетельницей проезда Радищева из Петербурга в Москву, а также других, возможно, более значимых, но и более «молодых» исторических событий.

А еще на одном из толстых и корявых, вытянувшихся параллельно земле сучьев, болтался обрывок веревки, на котором час назад висела кукла с лицом удушенника. Сейчас кукла лежала на земле лицом вниз.

– Я их как облупленных знаю, – говорил участковый. Он был в возрасте, с посеченным морщинами лицом, и, нервничая, то и дело снимал фуражку, чтобы провести ладонью по седому бобрику волос. – Они всегда куролесили, но в последний год вроде за ум взялись. Спортом стали заниматься. Я и к тренеру заходил, он на них нахвалиться не может. И вот на тебе!

– Всякое бывает, – не торопя собеседника, сказал Кочергин.

– Они потому начали штангу тягать, что заявить о себе хотели. Ну, в школе, во дворе. Раньше-то как было? Вот тебе школьная форма, ее и носи. А теперь ходи в чем хочешь. Но

семьи-то разные, и одежда разная. А что в итоге? Расслоение! На тех, у кого есть плейер в ушах, и на тех, у кого его нет. Эти парни – из «бедных». И не слишком к учебе способных. Как таким среди сверстников утвердиться? Выбор-то всего ничего: оборотистость и сила! Но они и ловчить, ну, торговать по мелочи, тоже не умеют. Вот и пошли мускулы подкачать, чтобы в драках не пасовать. Потом уж загорелись... Мальчишки, одним словом. Но вот незадача: спорт, конечно, дело благородное, а все же подвернулась возможность прибарахлиться – и не устояли ребятки.

– Из вас хороший адвокат получился бы, – заметил следователь.

– Какой из меня адвокат... – Участковый снял фуражку и пригладил волосы. – Адвокат снисхождения просит, оправдания, я же объяснить пытаюсь. И не вам даже – себе. Я их утром встретил. Бегут голые по пояс, в кроссовках разношенных, а в руках шмотки. Я, понятно, спрашиваю: «Откуда вещички?» «Нашли», – говорят. А глаза так и шныряют, так и шныряют. Короче, раскрутил я их, это у меня запросто, тогда и позвонил куда следует, доложил, значит. Странное все же дело.

– Уж куда странней, – согласился Кочергин. – Давайте их сюда.

«Мальчишки» были на полголовы выше следователя, вдвое шире в плечах и, конечно же, слыхом не слыхивали о подагре.

– Рассказывайте.

– Чего рассказывать-то? – один из «мальчишек» перестал разглядывать траву под ногами и опасно покосился на следователя.

– Все.

– Все? Ну, у нас по утрам пробежка. До березы и обратно. Бежим. Сделали ускорение. Он, – последовал кивок в сторону приятеля, – первым на поляне оказался. Выскочил на нее и ка-а-к грохнется на землю! И шары по семь копеек. Глаза то есть. Очканул. Перепугался, в общем.

– Ничего я не испугался, – обиженно сказал второй «мальчишка» писклявым голосом, никак не вязавшимся с его габаритами.

– Что же тогда землю носом рыл? Брось, я сам чуть не обделался. А потом посмотрели, а это и не человек вовсе! Манекен. Как в магазине. Подошли мы, рассмотрели все толком, хотели участковому сообщить, но передумали.

– Потому что закатилась вам в головы мыслишка пожить за чужой счет, – вмешался тот.

– А мы не крали! Здесь лес, а не завод. Здесь хозяев нету. Какое же это воровство? А раз ничье – значит, наше. Зачем добру пропадать?

– Что же вы сам манекен не умыкнули?

– А на фига он нам? Мы только джинсы и кроссовки взяли.

– Во время пробежки никого не встретили? – спросил Кочергин.

– Никого! – хором ответили «мальчишки».

Следователь поморщился. В призраков он не верил. Профессия не позволяла. Само собой из воздуха ничего не материализуется. Кто-то поспособствовать должен.

– Отойдите-ка в сторонку, – сказал Кочергин.

«Мальчишки» отошли.

– Как мне теперь с ними? – спросил участковый.

– А никак. Они же правы. Кто-то бросил, они подобрали.

– Но небольшая взбучка все помешает. Для профилактики.

– Вам виднее. Не переусердствуйте только.

– А я о чем? Парни-то неплохие.

Кочергин улыбнулся:

– Говорите, не получится из вас адвокат... А вот учитель получился бы!

– Поздно переучиваться.

– И не надо.

На поляну выскочил запыхавшийся Максим.

– Собака... только до дороги... до автобусной остановки... там след потеряла.

– Что ж, – Кочергин окинул взглядом поляну. – Тогда будем грузиться.

Никитин и участковый понесли куклу к «узику».

На кукле были изношенная до дыр рубашка в клетку, трусы и носки.

* * *

В машине Никитин пристроился рядом со следователем.

– Михаил Митрофанович, куклы-то – как две капли воды.

– Лицо одно, – согласился Кочергин. – И что это значит?

Максим помедлил с ответом, как на экзамене, потом сказал.

– Действия кукольника теперь можно расценивать как упорно не прекращающиеся и классифицировать как злостное хулиганство. Ответственность другая, срок другой. И никаких штрафов. Также просматривается определенная повторяемость, персеверация.

Никитин замолчал, словно предлагая следователю оценить его познания, потом заговорил снова – и опять, точно отвечал хорошо заученное:

– Ночь, вокруг ни души... И все же, мне кажется, говорить о *modus operandi*, то есть о «почерке», еще рановато. Два случая – это недостаточно для выявления закономерностей. Завод и парк, кран и береза – что общего? Но с другой стороны: куклы – близнецы, как мы с Игорьком. И их вешают! И находят сразу... Может быть, именно это кукольнику и надо. Я вот что думаю, Михаил Митрофанович, а не укрывался ли он где-нибудь поблизости? Может, ему только и надо было – понаблюдать за поведением ребят? А на заводе – за теми, кто сбежит к крану? Может, его интересовала реакция людей на его выходку? Или на творение? В лесу спрятаться нетрудно и на завод попасть легче легкого – через забор перемахнуть. Или того проще: надень спецовку и иди себе через проходную – никто внимания не обратит. Хотя, конечно, переговорить со сторожами надо.

– Я это сделал, – сказал следователь.

– Когда?

– Вчера.

– Нас домой отослали, а сами... И что сторожа?

– Ничего не видели.

Никитин вдруг просветлел лицом:

– А если это кто-то из них?

– Нет. Они только о себе думают: один – о своем прошлом, другой – о будущем. И никто из них не носит фамилию Виноградов. Его-то мы и будем искать, десантника из 2-й роты. Вот что, Максим. Ты сдай куклу Крапивницкому и отправляйся в военкомат. А я прогуляюсь немного. Часа через два буду в Управлении. Там и встретимся.

«Узик» вильнул к обочине. Следователь открыл дверь.

– Напоследок задачка. Почему у кукол, при одном лице, волосы разные: у первой – короткие, а у этой – до плеч? Зачем «отрастил»?

– Не знаю.

Кочергин вылез из машины.

– И еще. Найди Путилина и все ему расскажи. Кстати, наш кукольник не из пациентов дурдома. Велizarий Валентинович проверил.

Максим покраснел: опять старики все сами да сами, не доверяют, значит! Он хотел что-то сказать, но Кочергин уже захлопнул дверь.

В вестибюле Дворца культуры, в углу, были свалены транспаранты. Стены пестрели плакатами. Из-за тяжелых портьер, прикрывающих вход в зал, сочился нестройный гул голосов.

По мраморным ступеням Кочергин поднялся на второй этаж и толкнул дверь, на которой было написано: «Директор».

– Опаздываете. На вас непохоже. – Высокий полноватый человек пожал руку следователю. – Сейчас кофейку сообразим.

– Рад тебя видеть, – сказал Кочергин, устраиваясь у журнального столика. – А за опоздание, Петя, извини. Дела.

– Можете не извиняться. Понимаю. На что и прежде, при мне еще, работенки хватало, а сейчас вообще ни дня, ни ночи, угадал?

Кочергин следил, как спует по кабинету Петя Балашов, в прошлом классный опер, сейчас – директор Дворца культуры. Последнего в городе, пока еще не отданного на откуп магазинам и салонам, дворца. В смысле – культуры. Двигался Балашов быстро, уверенно, давно свыкшись с негнушейся правой ногой.

– Как нога, Петя?

– А что с ней делается? Лучше не будет, хуже – не должно, так что хромаю потихоньку.

Он достал из кармана связку ключей. На цепочке болтался брелок – деформированный кусочек металла.

– Пулю с собой ношу. Как память. Не жалел Пчельник патронов. Вот же дурацкая судьба мужику выпала!

Электрочайник щелкнул кнопкой. Балашов взял за спинку стул, переставил его к столу, сел.

– Мне на стуле удобнее. – Насыпал в чашки кофейный порошок, залил кипятком. – Пейте, Михаил Митрофанович, сахар берите, печенье.

– Спасибо.

– Да, судьба... Я в больнице, да и потом, здесь уже, все голову ломал... Вот скажите, насколько мы вольны своей судьбой распоряжаться?

– Сложный вопрос.

– То-то и оно. Мы решаем, за нас решают... Иногда думаю: да кто посмеет без меня меня женить? Никому не позволю! Но фокус в том, что никто у меня этого позволения и не спрашивает. И получается, что все мы – слепцы, а ведет нас по жизни злой поводырь, куда ему, а не нам, нужно. Может быть, к пропасти. Скинет там руку с плеча – и в сторону. Красиво говорю, да? Но не красуюсь. Честно! Вот я когда сюда пришел, думал: тихая гавань, очаг культуры! Не сам, так другим помогу сеять доброе, мудрое, вечное... Может, раньше и была – обитель, храм. Кружки там, самодеятельность, театр мимики и жеста. В прошлом все это. Денег нет, выживать надо. Хоть как-то! И я своими руками ту заводь – в омут. В котором черти водятся. И сам чертом стал... А что делать? Ремонт нужен – а завершить не на что. Персоналу кой-чего подбросить надо: разбегутся – с кем останусь? Ну и открыл я видеозал. Купил технику, отобрали фильмы. Ждем. Пусто! Мне говорят: «Репертуар у тебя не тот». «Как же не тот? – удивляюсь. – Золотой фонд мирового кинематографа». «Чихать они хотели на мировой фонд. Ты дай народу эротика, ужастики, боевики – тогда он к тебе валом повалит». Я повозмутился, поупрямился и... дал. И ведь соображаю: осторожно здесь надо, чтобы дров не наломать. Там, на Западе, они уже это прошли, может, для них это и впрямь возможность пар сравить. Но у наших-то слюни текут, руки чешутся, они норовят друг на друге приемчики увиденные разучить. Или на прохожих.

– Ну ты даешь... – Кочергин отставил пустую чашку. – Видеозалы! Кто их помнит?

– Это я для примера! Были – кончились, да. Но дело сделали... Приучили.

– К чему?

– Что это – нормально. Что именно это – нормально. Телевизор, наверное, смотрите, наши сериалы, ну, вроде «Бригады», тогда понимаете, о чем я.

– Нет, Петя, не понимаю. Ты что же, во всех бедах себя обвиняешь?

– А что? Сколько у нас наркоманов было десять лет назад? Может, человек десять по сусекам наскребли бы. А убийства? Раньше каждое – ЧП, а сейчас – норма, будни. А грабежи? Что такое рэкет, мы вообще не знали, так ведь? Вот я и говорю: откуда это все взялось? Не из воздуха, не только из нищеты, из беспросветности, но и с моей помощью. Таких, как я. Тех, кто лишь о сегодняшнем дне думает, как уцелеть, а завтра хоть трава не расти. И не будет расти!

– Ты что же, совсем руки опустил?

– Почти. А что делать прикажете? На кого надеяться? На государство? Слов много, а реальной поддержки, тех же денег – крохи, слезы. На спонсоров? Это в Москве с ними попроще, там деньги крутятся, кое-что на культуру обламывается. А у нас с этим туго.

– Как же ты выживаешь?

– А вот так.

Балашов дотянулся до пульта, вмонтированного в крышку письменного стола, щелкнул тумблером, и кабинет содрогнулся от громоподобных раскатов.

– Отдать Россию на поругание иноземцам? Никогда!

Динамик захрипел, не справляясь с рукоплесканиями.

– Разбазарить богатства не только нам, но и предкам нашим принадлежащие? Не допустим!

И снова шквал аплодисментов.

– Превратить свободного русского человека в раба? Глумиться над памятью нашей, историей, святынями, традициями, обычаями? Не позволим!

Все потонуло в овациях.

Балашов переключил тумблер. Тишина, казалось, была осязаема.

– Слышали? Такое несут – уши вянут. Что «левые», что «правые».

– Ты что же, никакой линии не придержишься?

– Я всех пускаю. Лишь бы платили. У клуба крыша – решето, тут не до жиру. «Правые», «левые»... Все за собой зовут! Идейки свои прямо в рот пихают – разжеванными, проглотить только. И глотают люди, не отрыгивают. За кого особенно обидно – это за молодых. Особенно за тех, кто в Афгане побывал, в Чечне. Эти друг за друга горло перегрызут, но во всем прочем – дети. Вот и тянут их из стороны в сторону, вербуют, на патриотизм «дают». А ребята такое испытали, такого навидались – и грязи, и крови, что если поверят человеку, готовы за ним в огонь и воду. Себя не сэберегут, его защитят. И все ищут, ради чего жизни клали. Вот внизу у вас документы проверили, так? Это – заслон, контроль. А неделю назад здесь другие заседали, со взглядами самыми либеральными. Либеральней некуда! Однако и тогда – охрана, заслон, «чеченцы» бывшие. Жалко мне их. Ведь обманут, въедут на их горбах в рай, а потом с ухмылочкой выбросят на свалку, как надоевших, ненужных кукол.

Балашов витиевато выругался, а Кочергин – вздрогнул.

– Петя, я ведь к тебе за помощью.

– О чем речь! Вы простите, Михаил Митрофанович, разговорчивость мою. Сам не пойму, и чего завелся? Видно, наболело.

Балашов двумя руками приподнял больную ногу и, точно вещь, подвинул ее.

– Все нормально, Петя. А я вот тебя спросить хотел... Есть ли у нас в городе мастера, которые кукол делают. Только не матрешек-неваляшек, а муляжи в человеческий рост и так с виду, что от человека не отличить.

– А что случилось-то? Или секрет?

– Отчего же...

Кочергин рассказал все, что знал, и о вчерашней находке на ДСК, и о сегодняшней в лесу. Говорил он минут пять, не больше, потому что и сам знал не слишком много. И догадок у него не было. Никаких.

Бывший опер слушал не перебивая. Машинально брал с блюда печенье и отправлял в рот, брал следующее. Крошки сыпались на брюки и зеленый джемпер из ангорки. Когда следователь умолк, Балашов поскреб ногтем край опустевшего блюда и принялся стряхивать крошки.

– Дела... Если ничего в военкомате не обломится, я вам не завидую. Но я так понимаю, что вы от меня не сочувствия ждете. Но помощник из меня аховый. Вообще-то, как человек культурный, – он усмехнулся и развел руки, словно приглашая к осмотру кабинета, – я на разных совещаниях бываю – городских, областных, даже республиканских, в Москву езжу, вернисажи посещаю, мастерские художников и скульпторов. Не только занимаюсь выкачиванием денег из этих, – он показал на пульт, – но и журналы специальные почитываю, по профилю. Но сказать вам, Михаил Митрофанович, мне толком нечего! В Москве – да, там балаганов хватает, где восковые копии актеров, политиков, спортсменов выставляют. Но чтобы у нас в городе кто-то такие штуки делал – не слышал.

– Жаль. – Кочергин встал, прошелся по кабинету, пригибаясь при каждом шаге.

– Как здоровье-то? – В голосе Балашова не было и намека на сарказм, который нередко окрашивает слова больного человека при общении с кем-нибудь, тоже страдающим от недуга.

– Подагра. Помнишь, еще при тебе вцепилась. Ну и не отвяжется никак. А идти надо. Пойду я.

– Провожу.

У лестницы Балашов остановился.

– Заходите, Михаил Митрофанович. С поводом и без. Мне приятно... А историю вы мне рассказали жутковатую. Прямо сюжет для фильма. Из тех, что когда-то у меня в видеозале крутили. Ох, глядите, доберутся до вас газетчики!

– Эти нафантазируют. Со свету сживут. Уйду на пенсию – к себе примешь?

– Эх, Михаил Митрофанович! Я тут брякнул ненароком, что не завидую вам. Еще как завидую. Моя бы воля – все бросил, вернулся. Но вот она, стерва, – Балашов зло шаркнул прямой, как палка, ногой, – не пускает. Если бы оттяпали ее тогда, сделали бы мне протез, носил бы я его и не терзался попусту, а то вроде есть нога, а вроде и нет ее.

– Побойся Бога! – Глаза следователя вдруг стали пустыми, а потом также неожиданно вновь наполнились теплотой. – Ну, счастливо.

– И вам.

У входа охранник окинул Кочергина цепким взглядом. Михаил Митрофанович посмотрел на орденские колодки на груди парня и вышел на улицу. Остановился, оглянулся. Новенький, с иголки, фасад Дворца культуры сверкал хромом и зеркальными стеклами. В стеклах плыли облака.

12

Игорь отложил скальпель и раздвинул пластик. Василий Федорович Крапивницкий погрузил руку в грудную клетку, пошарил там.

– Есть!

Путилин принял из рук криминалиста сердце куклы. Обычное человеческое сердце. Только из гипса.

* * *

В кабинете следователя Максим не задержался, спустился во двор. Там сел на скамейку, подставил лицо солнцу и закрыл глаза. Улыбнулся, вспомнив, как гладко все прошло в военкомате. Миловидная девушка в форме мигом отыскала целую дюжину Виноградовых. Из них в

военно-воздушных войсках служил один – Алексей Николаевич, проживающий на Первомайской, дом 4, квартира 18.

Переписав необходимые данные, Максим взглянул на девушку и подумал, что, пожалуй, стоит заглянуть сюда еще разок – в свободное время. Как ему показалось, – нет, он был в этом абсолютно уверен! – девушка с должным уважением относилась к его профессии и была крайне заинтригована его визитом. Неплохо для начала.

Но где же Кочергин? Он хотел звякнуть следователю на мобильный, так его распирало, насилу сдержался. Нетерпение – это слабость. Так же как торопливость.

– Эй, служивый! Солдат спит, служба идет? Учти, за сны деньги не платят.

– Так точно! – Никитин вскочил. – Только за дела. Поэтому ходатайствую о премии или награждении ценным подарком, можно именованным оружием.

– Нашел?

– Нашел, Михаил Митрофанович. Я поехал?

– Не гони лошадей. Ты обедал?

– Да не хочу я.

– Пойдем.

В кабинете Кочергин одарил Никитина бутербродами, которые утром дала ему супруга, исходившая из соображения, что если все равно сухомытка, то пусть она будет «домашней». Максим для приличия поломался, потом выбрал бутерброд, который поменьше, и впился в него зубами, что не помешало ему поведать о своих успехах.

Следователь выслушал не перебивая, потом снял трубку телефона.

– Игорь? Что там у вас?.. Давай быстренько. Крапивницкому привет.

Минуту спустя дверь запахнулась, и в кабинет вошел Игорь. На нем был белый халат, заляпанный бурыми пятнами. Левый карман оттягивало что-то тяжелое. В руке он держал пачку фотографий.

– Хвались! – разрешил следователь.

– Нечем. – Игорь стал раскладывать на столе фотоснимки.

Кукла. На тросах крана. В кустах. На лабораторном столе. Голеностоп. Еще голеностоп. Крупно лицо первой куклы. Крупно лицо второй. Анфас. Профиль.

Кочергин просмотрел фотографии, собрал их в пачку.

– Что «пальчики»?

– У них там, в картотеке, всегда запарка, так что быстро не выйдет. И еще. Крапивницкий просил особо подчеркнуть. Хотя я и сам... Короче, второй муляж выполнен весьма небрежно, с первым не сравнить. Только лицо с тем же тщанием. А вообще-то, – Игорь опустил руку в карман и достал сердце, – сбрендить можно! Шеф пошутил: «У этого симпатяги и сердце, наверное, есть». Сунулись – есть! Как настоящее. И зачем ему это надо?

– Вот об этом мы его перво-наперво и спросим, – сказал Кочергин. – Пойдем, Максим, пора нанести визит Алексею Виноградову.

* * *

Вернувшись в лабораторию, первое, что услышал Игорь, был радостный возглас Крапивницкого:

– Ну надо же, у кукол-то и мозги есть!

13

Жил Виноградов на дальней окраине. А прокурорские машины все оказались в разгоне. Никитину любое расстояние было нипочем, он и пешочком мог запросто, на Кочергин решил за двоих – вчерашний обход заводских сторожей его совсем доконал: будем дожидаться автобуса. Однако дожидаться не пришлось: пять минут – не в счет.

Народу в салоне было много, но Никитин не обращал внимания ни на давку, ни на судорожные рывки автобуса, ползущего по вспученному, зимой уложенному асфальту. Он был возбужден и говорил без умолку, хотя и вполголоса.

– Игорь молодец, не то что я...

Кочергин машинально кивал.

– А вы как думаете, Михаил Митрофанович, дежурные группы в полном составе – это надолго?

– Мне до пенсии хватит.

– Так вам осталось-то... – Максим осекся.

Кочергин поморщился, но лишь потому, что опять дали знать о себе ноги. И под лопаткой колет.

Никитин внимательно посмотрел на него и наклонился к девчужке, как на жердочке, примостившейся на сиденье. Шепнул что-то. Девчужка метнула недовольный взгляд на пожилого дядьку, сползла с сиденья и скользнула к выходу. Кочергин сел, отвернулся к окну.

За стеклом проплывали дома, большей частью неотличимо похожие друг на друга. Плановая застройка. Поточный метод. Смотреть не на что и хвастаться нечем. Бросить чужака ночью, так и будет блуждать, как в лабиринте. Без провожатого – не выйти.

А вот для него, следователя Кочергина, большинство этих домов – наособицу. Потому что он знает, что творится, что происходило за этими стенами, за этими стеклами. Вон в том доме мать утопила в ванной дочь-малолетку, которая мешала родительнице устраивать свою судьбу. А вот в этом двое сначала поженились, через полгода подсели на иглу, а еще через полгода умерли в одну ночь от передоза. Вот в этом подъезде, на третьем этаже, обитал Василий Пчельник, дурак, беглец и убийца. А вот отсюда, с этого балкона, кинулась вниз головой старуха, которую обобрали мошенники, прикинувшиеся сотрудниками щедрого до невозможности пенсионного фонда. А тут осенью 91-го открыл вентиль и сунул голову в духовку коммунист, ветеран Великой Отечественной, кавалер высшей солдатской награды – Ордена славы, не захотел жить в поруганной стране. А здесь Костя-Деревяшка живет, на весь город знаменитый безногий нищий, побиравшийся еще при прежней власти и каким-то загадочным образом избежавший отправки в дом инвалидов. А в этом подвале гости из солнечного Азербайджана разливали паленую водку, которой в городе отравились сорок шесть человек, и это лишь те случаи, что удалось доказать.

А там... А тут... А здесь... Экскурсии можно водить. Скучно не будет. И с каждым годом «примечательных» все больше. Ему ли этого не знать?

Кочергин закрыл глаза. Век бы этого не видеть...

– Приехали, – наклонившись, сказал Никитин.

Следователь привычно поморщился – на этот раз оттого, что позволил себе задремать. Хотя в этом-то никакого криминала и не было.

Они сошли на Первомайской и задами вышли к панельной четырехэтажке. В подъезде было на удивление чисто, даже кошками не воняло. Поднимаясь по лестнице, они обозревали полустертую-полусмытую настенную роспись, автор которой явно переживал период полового созревания.

На четвертом этаже Кочергин шагнул к двери, с которой свисали лоскутья черного дерматина. Из прорех торчали клоки грязной ваты.

Открыли сразу. Женщина, прикрывающая худую морщинистую шею отворотами ситцевого халата, с недоумением смотрела на них.

– Здравствуйте, – сказал Кочергин, предъявляя удостоверение.

Недоумение в глазах женщины сменил страх. Она попыталась что-то сказать, но не смогла, только глухой клекот вырвался из горла.

– Позвольте, мы войдем.

В комнате, обставленной бедно, но содержащейся в образцовом порядке – ни пылинки, ни соринки, женщина прошептала:

– Слушаю вас.

– Вы, наверное, мать Алексея Виноградова?

– Что... что с Алешей?

Женщина подалась вперед, отпустила отвороты, и халатик распахнулся, выставив напоказ ключицы, обтянутые пергаментной кожей.

– Простите, как вас зовут?

– Ольга Тимофеевна.

– Успокойтесь, Ольга Тимофеевна. Не надо волноваться, – сказал Кочергин, заботясь о том, чтобы голос его звучал убедительно и твердо.

– С ним ничего не случилось?

– Насколько нам известно, нет.

– Господи, слава тебе! – перекрестилась женщина на образок в углу. – Довольно мальчику бед.

– А почему вы подумали, что с ним что-то случилось?

– Но вы же... оттуда. Вы с добром не ходите.

Следователь покачал головой, но был вынужден согласиться:

– Обычно не ходим. Но вас и без того что-то тревожит. Я прав, Ольга Тимофеевна?

– Как же мне не тревожиться? Вспыльчивый он, а ну как не совладает с собой? И что, опять тюрьма? Не хочу! Боюсь!

– Когда он освободился?

– В июне.

– За что срок отбывал?

– Вы не знаете? Тогда зачем пришли? Что у вас к нему? Дело какое?

– Дело, – кивнул Кочергин. – Ваш сын был десантником.

– Вспомнили... Да, был. Сначала под Воронежем служил, я к нему туда ездила, когда он присягу принимал. Потом их в Чечню послали. Ввыжил, вернулся.

– Для вас тот день, наверное, праздником был?

– Конечно! Я ночи не спала, глаза проплакала, писем ждала как манны небесной.

– Значит, помните тот день?

– Как сейчас вижу: идет Алеша мне навстречу, смеется, а у меня будто ноги отнялись. И слезы ручьем. Подходит, обнимает и говорит: «Радоваться надо, мама! Вот он я, живой-здоровый!» А я гляжу и наглядеться не могу. Красивый, ладный такой – берет голубой, тельняшка, китель, а сапоги так начищены, аж сверкают! На груди медаль. Но мне, матери, не это важно. Живой!

– А на сапогах шнуровка была? Вот здесь? – показал Максим.

– Была, – удивленно посмотрела на него женщина. – Чудные такие сапоги...

– А где они сейчас?

– Сапоги-то? Сносились. А как им не сноситься? Он же первое время из них почти не вылезал. После армии ему все мало сделалось, а в тот год осень холодная была, снег рано пал. Ботинки же приличные сразу справиться ему не смогли. Я ведь без отца его растила, а работаю уборщицей, подъезды мою, так что денег никогда густо не было, а уж в последние годы и вовсе плохо стало. Я хотела было в долг взять, ну, на ботинки, да Алеша воспротивился. На работу устроился, на железную дорогу, грузчиком на складе. Еще смеялся: «Там сапогам самое место». Каждое утро их щеткой полировал. Все старался, чтобы поновее казались. Да что вам сапоги эти дались?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.